

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-67-85

ЛЕВ ТИХОМИРОВ: ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКСИОМЫ

М.Б. Смолин, канд. историч. наук, зав. кафедрой истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, ул. Библиотечная, д. 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406*

В начале XX столетия шла агрессивная, жестокая политическая борьба, в которой правительственный, имперский лагерь выдвинул целый ряд идей.

Среди высокопоставленных сановников были люди с тонким государственным чутьем, которые понимали трудность положения и искали в обществе людей, способных выяснить, выписать для правительства ряд реформаторских действий для обуздания революционного движения и более четкого понимания положительных задач, необходимых для Империи, входящей в индустриальную эпоху.

Ученые и писатели этого лагеря явили весьма глубокое понимание важности идейной борьбы с революцией. Было немало желающих сформулировать цельное понимание политического феномена царской власти, но по большей части это явилось обрисовкой некоторых контуров, попыткой несколькими сочными мазками обозначить проблему или поставить вопрос. В подобных попытках не было той необходимой капитальности, всеохватности, универсальности, которую смог дать Л.А. Тихомиров в “Монархической государственности”.

Научную базу для своих социологических рассуждений Л.А. Тихомиров строит на утверждении о неизменяемости основных психологических свойств человека как действующего лица социальных отношений.

Факт существования тысячелетней православной России не был для него скучным недоразумением, требующим революционных перемен или разработки социальных доктрин по ее капитальной утилизации. Его удивительная умственная самостоятельность жестко контрастировала с распространенной тогда интеллектуальной зависимостью от идеологических веяний времени.

Ключевые слова: Л.А. Тихомиров, верховная власть, государство, революция, монархия.

* Смолин Михаил Борисович, e-mail: fondiv@mail.ru

**LEV TIKHOMIROV:
SUPREME POWER AND THE STATE
AS POLITICAL AXIOMS**

Smolin Michail B., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical Archives of the Moscow State Institute of Culture, st. Library, 7, Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141406, e-mail: fondiv@mail.ru

At the beginning of the twentieth century, there was an aggressive, brutal political struggle in which the government, the imperial camp put forward a number of ideas. Among the high-ranking dignitaries were people with a fine sense of state, who understood the difficulty of the situation and were looking for people in society who could find out, write out for the government a number of reform actions to curb the revolutionary movement and a clearer understanding of the positive tasks necessary for the Empire entering the industrial era. Scientists and writers of this camp have shown a very deep understanding of the importance of the ideological struggle against the revolution. There were many who wanted to formulate a complete understanding of the political phenomenon of Tsarist power, but, for the most part, it was an outline of some contours, an attempt to identify a problem or raise a question with a few juicy strokes. In such attempts, there was not the necessary capital, inclusiveness, universality that L.A. Tikhomirov was able to give in "Monarchical statehood".

The scientific basis for his sociological reasoning, L.A. Tikhomirov builds on the statement about the immutability of the basic psychological properties of a person as an actor in social relations. The fact of the existence of a thousand-year-old Orthodox Russia was not a boring misunderstanding for him, requiring revolutionary changes or the development of social doctrines for its capital utilization. His amazing mental independence was in stark contrast to the widespread intellectual dependence on the ideological trends of the time.

Key words: L.A. Tikhomirov, supreme power, state, revolution, monarchy.

Разочарование в революции и проведенный критический анализ демократического принципа¹ заставил Л.А. Тихомирова искать новые социальные пути.

Во второй половине 90-х гг. XIX столетия, он пишет несколько важных сочинений с изложением своих положительных взглядов на власть и государство. Статьи, посвященные образу императора Александра III, "Знамение времени. Носитель идеала" (М., 1895), серию статей "Монархическое начало верховной власти" (Московские ведомости, 1896, № 90, 97, 104, 112, 146) и книгу "Единоличная власть как принцип государственного правления" (М., 1897). Эти работы стали первоначальными, черновыми заходами на капитал-

¹ Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. Париж, 1888; Он же. Начала и концы. Либералы и террористы. М., 1890; Он же. Конституционалисты в эпоху 1881 года. М., 1895; Он же. Демократия либеральная и социальная. М., 1896; Он же. Борьба века. М., 1896.

ное исследование, которому Лев Александрович отдал несколько лет своей жизни уже в начале XX в.: “Монархическая государственность” (Ч. 1–4. М., 1905).

Новое царствование Императора Николая II вызвало интерес политических писателей к вопросу уяснения идейных основ монархии как особого типа верховной власти. Почти все крупные правые русские писатели в конце XIX — начале XX в. (1895–1905) выступили с теоретическими работами о государственных проблемах, высказав свою позицию по основополагающим принципам русского государственного строя и необходимости строго монархических преобразований в стране².

Такое весьма интенсивное теоретическое творчество было связано, в частности, и с интересом, который проявляла власть к подобным публикациям.

Среди высокопоставленных сановников были люди с тонким государственным чутьем, которые понимали трудность положения и искали в обществе людей, способных выяснить, выписать для правительства ряд реформаторских действий для обуздания революционного движения и более четкого понимания положительных задач, необходимых для Империи, входящей в индустриальную эпоху.

Из дневника Л.А. Тихомирова известно, что в августе 1899-го он получил приглашение крупного чиновника министерства юстиции, впоследствии сенатора, Петра Николаевича Семенова (племянника П.П. Семенова-Тянь-Шанского) к сотрудничеству в написании “Записки о самодержавной власти”, над которой тот работал по поручению Государя Императора Николая II³.

Д.С. Сипягин, товарищ министра внутренних дел, также очень интересовался работами Л.А. Тихомирова. Когда же Д.С. Сипягин встал во главе министерства, в 1902 г., то его записки, подаваемые Государю, были во многом навеяны тихомировскими идеями.

В начале XX столетия шла агрессивная, жестокая борьба идей, в которой правительственный, имперский лагерь отнюдь не вы-

² Были изданы следующие работы: *Черняев Н.И.* О русском Самодержавии. М., 1895; *Тихомиров Л.А.* Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1897; *Шарапов С.Ф.* Самодержавие и самоуправление. Берлин, 1899; *Сапожников А.А.* О царской власти с библейской точки зрения. СПб., 1899; *Сыромятников С.Н.* Опыты русской мысли. СПб., 1901; *Черняев Н.И.* Необходимость Самодержавия для России. Природа и значение монархического начала. Харьков, 1901; *Киреев А.А.* Россия в начале XX столетия. СПб., 1903; *Хомяков Д.А.* Самодержавие. Опыт схематического построения этого понятия. М., 1903 (написана еще в 1899-м, а в 1904–1905 гг. значительно была дополнена); *Семенов П.Н.* Самодержавие как государственный строй. СПб., 1905; и др.

³ ГАРФ, ф. 634, оп. 1, д. 7. л. 49–50.

глядел бледно. Среди ученых и писателей этого лагеря было весьма глубокое понимание важности идейной борьбы с революцией.

Было немало желающих сформулировать цельное понимание политического феномена царской власти, но, по большей части, это явилось обрисовкой некоторых контуров, попыткой несколькими сочными мазками обозначить проблему или поставить вопрос. В подобных попытках не было той необходимой капитальности, всеохватности, универсальности, которую смог дать Л.А. Тихомиров в “Монархической государственности”.

Надо заметить, что творчество Л.А. Тихомирову в это время давалось особенно трудно. Все начало XX столетия он был периодически болен (ревматизм сочленений и другие недомогания) и болен вплоть до невозможности зачастую передвигаться и работать. “Я часто, — писал он тогда в дневнике, — чувствую себя в положении Иова многострадального. Легче, когда *понимаешь* причины своей муки. Но я часто теряюсь и не могу себе объяснить за что именно, по какой причине. И что я могу сделать для избежания мучения? Это одна из самых тяжелых сторон тягости”⁴. В другом месте своего дневника Л.А. Тихомиров записал: “Совсем разрушаюсь, должно быть уж не долго протяну на свете. Сказать правду — не хочется умирать. А тут еще семья — без средств, без малейшего обеспечения. Тяжкие мысли”⁵. И таких страниц в дневнике много.

В 1900–1904 гг. Л.А. Тихомиров все явственнее ощущал, что смерть может быть уже очень близка к нему (нескончаемые боли в кишечнике, не дававшие зачастую ему целыми днями передвигаться и работать). Врачи не могли ничего существенного для него сделать. Он готовился к близкой кончине; в дневнике постоянно появляются его размышления о своем духовном несовершенстве, слова покаянного размышления об участи своей и семьи⁶.

Но несмотря на свое катастрофическое физическое и тяжелое духовное состояния Л.А. Тихомиров все же находит силы для работы над “Монархической государственностью”.

⁴ ГАРФ ф. 634, оп. 1, д. 7, л. 150. Дневник Л.А. Тихомирова от 12 февраля 1900 года.

⁵ ГАРФ ф. 634, оп. 1, д. 12, л. 16. Дневник от 22 августа 1903 года.

⁶ “Болезнь заставляет подумать о душе, и в результате моих размышлений я вижу, что мне серьезно следует истреблять свои главные пороки. Нужно достигать, с этой точки зрения, вот каких качеств 1) *Не осуждать*, 2) *Негневливость*, 3) *Чистота*, 4) *Спокойствие вообще, при всех случаях*, 5) *Предоставление всего Воле Божией*, б) *Терпение*. Против всего этого я чаще всего погрешаю, можно сказать ежесекундно, не то так другое, а то и сразу по всем пунктам. Но как бы это себя воздержать?” (Дневник Л.А. Тихомирова от 12 августа 1903 года. ГАРФ ф. 634, оп. 1, д. 12, л. 14).

Государствоведческие размышления Льва Тихомирова многослойны, как мысли настоящего теоретика. Его исследовательский способ сочетал сиюминутную конкретность политического писателя и одновременно вневременную теоретическую состоятельность.

Факт существования тысячелетней православной России не был для него скучным недоразумением, требующим революционных перемен или разработки социальных доктрин по ее капитальной утилизации. Его удивительная умственная самостоятельность жестко контрастировала с распространенной тогда интеллектуальной зависимостью от идеологических веяний времени.

Еще в самом начале своей консервативной эволюции Лев Тихомиров обратил внимание на глубокую тенденциозность и отрицательную заданность политических знаний в России: "...человек нашей интеллигенции формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он, таким образом, создает себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где все очень стройно, кроме основания — совершенно слабого. Благодаря мирозерцанию такого происхождения у нас люди становятся способны упорно требовать осуществления неосуществимого или даже не имеющего серьезного значения, а в то же время оставлять в пренебрежении условия капитальной важности"⁷.

Он глубоко чувствовал вечный метафизический смысл России, недоступный человеческим желаниям. И требовал выработки "умственной самостоятельности" в разработке любых реформационных предложений.

Констатируя слабость образования молодежи, он объяснял это низким качеством "политических и социальных понятий, находящихся у нас в обращении", зависимых "от того, что, по незначительности серьезных умственных сил, социальная наука не разрабатывается на изучении нашей собственной страны и представляемых ею общественных явлений"⁸.

Сам же он смотрел на Самодержавие как на "результат русской истории, который не нуждается ни в чем признании", а на русское общество — как на социальный организм, сформированный пережитыми событиями за это тысячелетие.

Государство как психологический союз

Научную базу для своих социологических рассуждений, Л.А. Тихомиров строит на утверждении о неизменяемости основ-

⁷ Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. М., 1895. С. 10–11.

⁸ Там же. С. 52–53.

ных психологических свойств человека как действующего лица социальных отношений.

«Социология, — утверждает он, — начинается не в тех безднах хаоса, где ничего нельзя разобрать, и потому обо всем можно фантазировать. Социология начинается там, где уже заметны явления общественности. А в этом своем начале наука видит социологическую особь не как *tabula rasa*, а как некоторое существо с вполне определенным психическим содержанием, которое вовсе не создается внешними условиями, а столь же самостоятельно и реально, как внешние условия, и если испытывает их влияние, то и само оказывает на них такое же влияние... Наши чувства, хотения и представления для социолога вечны по существу, хотя и изменяются в комбинациях и в фазах своего эволюционного состояния. Только это постоянство основного факта общественности и дает возможность бытия социальной науке, которая со времен древнейших наблюдений своих знает одно и то же человечество, с психическими свойствами, по существу, одинаковыми, подобно тому, как химия знает одно и то же вещество со свойствами, по существу, вечно одинаковыми, подобно тому как и биология среди вечно меняющихся форм органического мира знает лишь одно и то же живое вещество, с вечно одними и теми же основными свойствами. Только в отношении объекта, обладающего некоторыми основными неизменяемыми свойствами и возможно существование законов, научно наблюдаемых. Социология такой объект имеет пред собой в психическом мире человечества. Если бы человечество какого-нибудь отдаленного “будущего” могло иметь основные психические свойства отличные от тех, какие были раньше, хотя бы самые отдаленные тысячелетия назад, наука оказалась бы совершенно невозможной, ибо она должна бы была признать тогда, что человечества как некоторого постоянного и реального явления не существует, а представляет оно мираж, не поддающийся никакому разумному пониманию»⁹.

Любой общественный человеческий союз строится на основе психологической кооперации. В этом союзном обществе вступают во взаимодействие даже не сами люди, а чувства, представления и желания отдельных человеческих личностей, создавая национальные общности. Подобная общественная кооперация предполагает некое общее направление этих разнообразных и противоположных чувств, хотений и представлений. Для этого нужна направляющая властная сила. И она появляется как следствие этого объединительного общественного процесса, становясь важнейшим фактором его совершения.

⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. I. С. 7–8.

Даже в самом факте властного принуждения Л.А. Тихомиров видит проявление самостоятельности, свободы человеческой личности. “Если бы человек не был существом, заключающим в себе некоторую самостоятельную силу, если бы он был простым результатом каких-либо внешних влияний, он не был бы способен ни к состоянию свободы, ни к состоянию власти. Наша свобода есть не что иное, как состояние независимости от данных окружающих условий, а такое состояние может явиться только при способности напряжения внутренней нашей силы до степени по крайней мере равной напряжению действующих на них внешних сил. Наша власть есть не что иное, как переход этого внутреннего напряжения к подчинению сил внешних условий или внешних сил. По самому существу общественных явлений эта способность свободы и власти прежде всего и чаще всего проявляется в отношении других личностей”¹⁰.

Здесь немаловажно будет заметить, что психологические основы общественной жизни носят глубоко национальный характер. В силу разнообразных исторически сложившихся условий жизни любой нации она отстраивает свой государственный организм, исходя из своего понимания добра и зла, правды и несправедливости, т.е. стремится построить такое общество и такую власть в нем, чтобы ее национальные ценности получили наиболее благоприятные условия для своего развития и охранения.

Государство — одна из сложнейших человеческих институций. Это не только власть, это не только территория и даже не только граждане.

Государство — прежде всего психологический союз людей, решивших жить совместно, решивших обособиться в форме закрытого для влияния чужих государственного сообщества. Государства — сообщества власти и организованного этой властью народа, отделившегося от своих соседей как от чуждых им по духу.

В этом смысле для Л.А. Тихомирова власть и подчинение — состояния более общественные, нежели свобода. “Свобода, — писал русский консерватор, — играет гораздо большую роль в личной жизни и выработке, нежели в общественной. Свобода для общества нужна, собственно, потому, что без нее не будет высокой личности. Власть и подчинение, наоборот, суть по преимуществу состояния общественные, в них по преимуществу выражается человеческая кооперация, ими строится общество”¹¹.

¹⁰ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Ч. I. С. 10.

¹¹ Там же. С. 13.

Чаще всего государства формируются уже существующей властью, которая своей силой, как обручем, сплачивает этот психологический союз. А сила власти умножается степенью сознательного подчинения граждан. Чем свободнее и сознательнее психологическое признание власти, тем власть более дееспособна и многократно укрепляется силами подчиняющихся ей граждан, как своими приводными ремнями.

Государство — институция, которая через мировоззрение народа формирует или поддерживает психологические поведенческие модели подчинения в общем ходе жизни в отдельно взятом сообществе людей. Обычно эта отдельность государств формируется их вероисповеданием и формой власти, принципом власти, особостью династии, т.е. чем-то, что рознит их с окружающими людьми, не входящими в это сообщество.

Таким образом, государство можно описать как религиозно-мировоззренческую и психологическо-поведенческую форму объединения, скрепленную религиозно-мотивированной властью, которая соответствует представлениям некоего общества людей, готового охотно ей подчиняться как власти, отображающей ее (народа) представления о правде, о правильности или о праведной жизни.

По воззрению Льва Тихомирова, государство есть лишь юридически-институциональная и пассивная производная из отношений власти и народа. Это как двухполосная улица, на которой происходит социальное движение. Если власть и народ едины, в своем представлении о правде, то в таком государстве одностороннее движение и развитие идут поступательно. Если же единомыслие исчезает, то улица становится двусторонней, и далее движение может делаться все более хаотичным, доходить до революции и смены власти.

Как народ воспринимает власть, какова его “политическая вера”, такой и становится сама власть, а затем и производное от власти (государя) государство.

В любых государствах существуют и власть, и подчинение этой власти. И власть, и подчинение функционально неизбежны и естественны в любом человеческом общежитии. Они психологически взаимодействуют и взаимозависят. Если же связи нравственной, свободного принятия власти нет или оно истончилось, то государство носит неустойчивый характер, близко к падению.

Власть и народ как создатели государственности

Государство — особая форма коллективности, которая появляется в обществе, когда вызревают хотя бы и в простых формах социальные группы со своими интересами, требующими согласова-

ния между собой. Иными словами, власть становится необходимой, когда внутри общества происходит профессиональная специализация, сформированным группам становится необходимо верховное согласование в их взаимоотношениях и военное охранение их интересов от внешних и внутренних врагов.

Сам Л.А. Тихомиров дает следующую формулировку государства: "...союз членов социальных групп, основанный на общечеловеческом принципе справедливости, под соответствующей ему верховной властью. Согласно с этим мы при анализе государства имеем собственно два необходимые элемента:

1. Союз людей, расслоенных по социальным группам.
2. Верховную власть. Оба эти элемента тесно связаны.

Правильный анализ государственности есть именно анализ отношений этих двух элементов; искусство же политики есть искусство сохранения между этими элементами должного, то есть естественного по природе их отношения"¹².

Власть играет функцию миротворца и третейского судьи внутриобщественных отношений. Именно профессионализация общества, его социальное расслоение, усложнение и порождают потребность в скрепляющих и охранительных функциях власти. Власть не дает разным группам разорвать общую государственную ткань, всех их объединяющую в единое целое, и примиряет разногласия, сообразуя, уравнивая их с общими интересами сообщества.

Нация как совокупность родов и семей составляет социальный фундамент государства — общенационального союза. Семейная и родовая физические коллективности развивают и составляют гражданские коллективности — социально-профессиональные слои и само государство.

Основными элементами государства, таким образом, является общенациональный союз граждан и возглавляющая его верховная власть.

Никакая чужая национальная сила в таком организме уже не сможет стать опорой для родившегося на свет государства. Государство — это мышцы, нервы, ткани нации; крушение его — мистическое разрушение тела нации. Государство не может поменять мышцы, нервы и ткани, с которыми оно родилось и прожило не одно столетие, которые оно развивало в специфической исторической ситуации своего существования, на мышцы, нервы и ткани другой или других наций. Это неравноценная и невозможная в историче-

¹² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Ч. I. С. 31.

ской практике замена. Поэтому государственность так тесно связана с той нацией, которая стала для него этническим содержанием.

Государство, собственно, как и любой другой человеческий организм, не сможет поменять своей психофизической сущности. Исторически государство, если оно хочет существовать и завтра, должно черпать свои силы из источника, создавшего его.

Верховная власть всегда внутренне едина

Сама верховная власть, по Л.А. Тихомирову, всегда проста, внутренне едина и не состоит из борющихся между собой составляющих. Она всегда основана на одном из трех классических властных принципов — монархическом, аристократическом или демократическом. Она, как верховная, не может быть разделена на какие-либо управленческие функции, а, напротив, из нее самой исходит вся специализация организуемых ею управительных властей.

Верховной власти обязательно принадлежит единое верховенство и в судебной, и в административной, и в законодательной сферах. Иначе она не была бы верховной властью в государстве. Никакой сочтанной верховной власти быть не может, это изобретение либеральных юристов, которые в свое время хотели ограничить монархическую власть конституцией для перехода в дальнейшем к демократическому правлению.

А вот в области управления все три принципа власти не только могут, но и неизбежно сочетаются. И даже при демократии в области управления представлены и аристократический, и монархический управленческие принципы.

Верховная власть принципиально не может узко специализироваться, а потому она функционально является властью направляющей, стратегической. Тактические вопросы решают нижестоящие бюрократические или общественные власти.

Существование этих управительных властей также неустранимо в силу специализации, разделения труда и ограниченного предела действия самой верховной власти, которая не может заниматься в большинстве случаев непосредственным решением тех или иных государственных дел.

Здесь, собственно, и находится функциональная самоограниченность любой самой неограниченной власти. Эффективному действию верховной власти всегда необходим передаточный властный механизм, механизм управления, который транслирует, передает властные распоряжения верховной власти далеко за пределы ее непосредственного действия. Власть управительная, бюрократическая для верховной власти есть функциональное удлинение своих

властных рук. Но все они действуют в области управления именем верховной власти, претворяя не свою, а державную волю верховной власти в жизнь государства.

Власть управительная существует двух видов — бюрократическая служилая и представительная, избираемая.

Воля в выборе принципа верховной власти

По мнению Л.А. Тихомирова, Воля Божия, создавшая свободно человека, также не ограничивает свободы и воли коллективной человеческой общности — нации. Всякий народ волен ходить либо по путям Божиим, либо по путям собственных или чужих социальных экспериментаторов.

При ослаблении в народе религиозного чувства, доверия к путям Божьего домостроительства, в случае народного своеволия Господь попускает нации ходить по этим путям и собирать на свою голову горящие угли мировых пожаров и либерально-социалистических измов всех вариантов.

Верящий в благость воли Божией, сохранивший свою веру народ (а только такое свободное подчинение и нужно Творцу) водителствуется свыше, через своих державных вождей.

Таким образом, нравственное состояние нации является первоисточником избрания того или иного принципа верховной власти на основе своих мировоззренческих идеалов. Верховная власть идеократична, ограничена идеей своей власти, потому в случае изменения “политической веры” народа и может быть сменяема. Между идеей власти и нравственными убеждениями народа для стабильности государства должен быть мировоззренческий консенсус.

Чем нация будет более сознательно религиозно-нравственной, тем она будет более естественно стремиться к монархии, видя Волю Божию своим нравственным руководителем. Видя *“сердце Царево в руке Божией”*, потому доверяя свою историческую судьбу единоверным и самодержавным государям.

Если в народе больше развиваются рационалистические земные предпочтения, уважение к богатству и доверие к сильным мира сего, то появляется аристократическая верховная власть. Торжествует власть богатых, сильных и часто хитрых, на плечи которых народ возлагает свои надежды на лучшее устройство своего существования на земле.

Но часто аристократический режим устанавливается вследствие узурпации или завоевания, а потому в определенной степени может иметь переходный вид власти. Аристократия — часто лишь временная, может быть, и достаточно долгая по времени форма для

перехода к более последовательному материалистическому принципу властвования — демократии.

Если же степень религиозной напряженности и четкости нравственно-идеальных устремлений в народе падает еще более, если всяческий авторитет — и Божественный, и человеческий — теряет свою привлекательность в нации, то она признает для себя значимой только силу количественную, т.е. демократию. И готова подчиняться только своему же большинству.

Обновление понятий власти и государства

Уверенный в том, что мирозерцание, с которым европейцы прожили целое столетие после Французской революции, не дает ожидаемых результатов, Лев Тихомиров считал своевременным обновить понятия о власти и государстве.

Европейским мыслителям, восхищенным революционными событиями, тогда казалось, что они создают некий новый, универсальный способ организации верховной власти. В реальности же понятия о власти в эту новую эпоху политического нигилизма сильно исказились.

По мнению Льва Тихомирова, в его время одной из главнейших задач, которая тогда решалась, был “выбор между началом демократическим, развивающимся на Западе, и монархическим, развивающимся у нас. Собственно говоря, отстаивание монархического принципа в мировой борьбе лежит ныне на нас, на нашей науке, так как европейская уже не имеет возможности изучать его непосредственно”¹³.

Свою роль исследователя Лев Александрович видел в “освежении” современных ему политических знаний и представлений о монархическом начале и устранении “ходячих общественных мнений”, затуманивающих рациональные научные оценки его вневременного значения.

В своем анализе политических учреждений он стремился установить правильное отношение к самой идее государства, в основе которого лежит принцип власти.

Под влиянием превратных понятий о свободе, идея власти стала восприниматься как отрицательная, с которой необходимо бороться или всячески минимизировать.

Чрезвычайно распространенными стали идеи о том, что сама государственность, связанная с идеей власти, порочна и требует устранения во имя торжества некоей свободы.

¹³ Тихомиров Л.А. Монархическое начало власти // Московские ведомости. 1896. № 90.

Появление подобных идей Лев Тихомиров связывал с появлением “нового” государства, конституционного или прямо демократического, вмешивающегося во всякие мелочи народной жизни без всякого стеснения.

Для консервативного мыслителя государство являлось высшей ступенью национальной организации. А сама идея государства вечной, неуничтожимой и рассматривалась как политическая аксиома. Именно в государстве люди способны находить “высшее орудие для охраны своей безопасности, прав и свободы”¹⁴.

Надежда социалистов на безгосударственное общество с отсутствием принудительной власти базируется на вере в то, что коммунистическое производство само будет регулировать жизнь в обществе, и это не менее фантастично, чем вера в либеральный рынок, который якобы сам все устроит.

“Стихийность рынка” при либерализме или стихийность власти “коммунистического производства” — плохие заменители государства.

Идея государства, его обязательность в человеческой жизни сродни политической аксиоме, оспариваемой только социальными утопистами.

Государство есть неотъемлемая составляющая человеческой свободы, общественной безопасности и доступной в земной реальности правды.

Разумно действующая власть предполагает подчинение, но во все не для уничтожения свободы, а, напротив, для ее поддержания и защиты.

“Создавая государство, — утверждал Л.А. Тихомиров, — мы, вместо подчинения стихийным силам, подчиняемся *самим себе*, подчиняемся тому, что сами сознаем необходимым, то есть выходим из слепого подчинения обстоятельствам и приобретаем *независимость*, первое условие действительной свободы”¹⁵.

Верховная власть, владychествующая над подданными в государстве, действительно отличается от любой другой власти, в любом другом общественном союзе. По мысли Льва Александровича, она не только необходима, но прямо неизбежна для гармонического развития общественных сил.

В современном Л.А. Тихомирову государственном (конституционном) праве под воздействием понятия “прогресса” и в поиске “нового государства” были популярны учения о контроле над

¹⁴ Тихомиров Л.А. Монархическое начало власти.

¹⁵ Там же.

властью со стороны граждан. Даже предлагалось градировать государства по степени контроля над властью со стороны граждан.

Так, знаменитый швейцарский профессор И.К. Блюнчли (1808–1881) делил государства на несвободные, полусвободные и свободные. В первых нет контроля подданных над властью, во вторых он осуществляется меньшинством, в третьих — всем народом.

Л.А. Тихомиров разумно возражал на такие конструкции, что существо верховной власти в любом государстве состоит как раз в том, что оно никому не подконтрольно. Если же верховную власть кто-либо поставлен контролировать, то он может и заставить ее менять свои решения, а тогда верховной властью в государстве будет обладать этот контрольный орган.

Здесь Лев Тихомиров разумно замечает: «...что касается контроля *подданных* над *верховой* властью, то этой невозможности нет и теперь, как никогда не было. Отдельный гражданин “современного” государства точно так же не может “контролировать” самодержавной народной воли, как русский подданный не может это делать в отношении Государя»¹⁶.

Контроль за властью может быть организован только в области управления, а никак не за верховной властью. Верховная власть при демократии (народ) в принципе столь же не ограничена, самодержавна и неподотчетна никому, как и самодержавная власть императоров при монархии.

Лев Александрович подчеркивал, что “новое” государство, культивирующее демократический принцип власти, стало в современной ему Европе нивелировать политический быт стран, в которых он укоренялся, уничтожая своеобразие их учреждений, сформированных историей, и вводя некие универсальные конструкции.

Попытки ввести в государственную систему некие сложные сочетанные формы верховной власти своей искусственностью вызывали у Л.А. Тихомирова, как государствоведа, искреннее удивление. С его точки зрения попытка объединять различные принципы власти (монархической, аристократической или демократической) в верховной власти прямо не возможны в силу своей искусственности. Таким образом, можно создавать только переходные от одного принципа власти к другому слабые государственные формы.

По его убеждению верховная власть не может быть сложной и всегда основана только на одном принципе власти. Либо монархическом, либо аристократическом, либо демократическом. Учение о “сочетанной верховной власти”, распространенное в его время, он

¹⁶ Тихомиров Л.А. Монархическое начало власти // Московские ведомости. 1896. № 97.

почитал глубоко ложным и вводящим идею “разделения властей” в не свойственную ей верховную сферу власти.

Идея разделения властей (исполнительная, законодательная и судебная) естественна в области управления подчиненного, как тогда выражались. Верховная власть же любого принципа всегда отражает один единственный принцип власти, что резко отличает ее от области управления, в которой другие принципы властвования могут находить себе достойное место.

Верховная власть государства и организация управления этим государством не одно и то же.

«Недоразумение, — писал Л.А. Тихомиров, — благодаря которому люди не замечают столь очевидной истины, состоит в недостаточном внимании к существенному различию между Верховной властью и создаваемым ею правительством, между *Souverain* и *Gouvernement*... В действительности политических сил нет такой Верховной власти, которая бы лишь “царствовала”, а не “управляла”. Это возможно лишь в исключительные минуты, накануне падения данной Верховной власти, которая уже в сущности перестала ею быть, но еще официально не упразднена. Верховная же власть действительная всегда управляет. Но в то же время нет Верховной власти, которая бы не призывала к управлению, ею создаваемому, других, подчиненных общественных сил. Верховная власть, сила “царствующая”, *Souverain*, так сказать, управляет управляющими, и весь вопрос хорошего политического строя в том, чтобы это царственное управление силами правительственными не было фиктивным»¹⁷.

Верховная власть должна иметь единую волю и поэтому она должна представлять один принцип власти.

В обществе могут существовать различные элементы власти, центры влияния. Они никуда не исчезают из социальной жизни, какой бы принцип власти не главенствовал. “Когда возникает *государство* — это означает, что возникает идея некоторой *верховой власти* не для уничтожения частных сил, но для их регулирования, примирения и вообще соглашения. Без такой владычествующей силы частные силы по самой противоположности своей идеи обречены на борьбу. Смысл верховной власти состоит в общем *обязательном* примирении. Поэтому верховная власть, по самой идее своей, должна быть основана на каком-либо *одном простом принципе*”¹⁸.

¹⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Ч. I. С. 47–48.

¹⁸ Тихомиров Л.А. Монархическое начало власти // Московские ведомости. 1896. № 112.

Л.А. Тихомиров был глубоко убежден, что все три принципа власти, монархический, аристократический и демократический, не могут устаревать. Они являются всегда возможными формами верховной власти и не являются некоей формой эволюции, исторически сменяющей друг друга.

Особо Л.А. Тихомиров останавливается на внутренних смыслах различных типах верховной власти. «Почему же в качестве Верховной власти выдвигается то монархия, то аристократия, то демократия? Это обуславливается известным психологическим состоянием нации, которому наиболее соответствует тот или иной принцип власти. Политика в деле установки Верховной власти сливается с национальной психологией. В той или иной форме Верховной власти выражается дух народа, его верования и идеалы, то, что он внутренне сознает как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни»¹⁹.

Так же верховная власть неразделима и в своем трояком проявлении — законодательном, судебном и исполнительном. Все эти три проявления истекают из единой верховной власти.

Разделение же властей управительных совершенно неизбежно из-за необходимости для них специализации, и чем более она специализирована тем более она совершенна. Единение управительные власти находят в верховной власти, которая и направляет их деятельность.

Необходимость управительных властей состоит в ограниченности прямого действия верховной власти, при усложнении государственной системы требующей делегации власти управительным учреждениям. Будучи юридически неограниченной верховная власть фактически ограничена своим количественным содержанием. Делегируя же управительным властям свою центральную силу верховная власть получает возможность действовать далеко за пределами своих физических возможностей.

Прямое же действие верховной власти в развитом государстве специализируется по преимуществу на контроле и направлении всех передаточных властей, сохраняя свою неограниченность и самодержавность.

В зависимости от того, что понимает нация под общечеловеческим принципом справедливости в общественных отношениях, верховная власть представляет тот или иной принцип власти, на которых и осуществляют все три образа правления: власть единоличная, власть влиятельного меньшинства или власть всего населения.

¹⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Ч. I. С. 76.

Все эти три формы власти суть типы, а не фазисы эволюции власти. Они не возникают один из другого эволюционно, а если и сменяют друг друга, то вследствие государственного переворота или революции. Все три принципа верховной власти неуничтожимы в человеческом обществе, разница между ними может быть лишь в их положении. Один принцип всегда бывает верховным, а два других имеют подчиненные функции в управительных учреждениях.

Выбор принципа верховной власти зависит от нравственно-психологического состояния нации, от тех идеалов, которые сформировали мировоззрение нации. В выборе нацией того или иного принципа власти «проявляется, — как пишет Л.А. Тихомиров, — не что иное, как степень напряженности и ясности идеальных стремлений нации. В различных формах верховной власти выражается то, какого рода силе нация, по нравственному состоянию своему, наиболее доверяет.

Демократия выражает доверие к силе количественной.

Аристократия выражает преимущественное доверие к авторитету, проверенному опытом; это есть доверие к разумности силы.

Монархия выражает доверие, по преимуществу, к силе нравственной»²⁰.

Любой из этих принципов неограничен и самодержавен, как принцип в государстве наивысший. Единственное ограничение составляет само содержание его собственного идеала.

Если «в нации жив и силен некоторый всеобъемлющий идеал нравственности, — развивает далее свою мысль Л.А. Тихомиров, — всех во всем приводящий к готовности добровольного себе подчинения, то появляется монархия, ибо при этом для верховного господства нравственного идеала не требуется действие силы физической (демократической), не требуется искание и истолкование этого идеала (аристократия), а нужно только наилучшее постоянное выражение его, к чему способнее всего отдельная личность, как существо нравственно разумное и эта личность должна лишь быть поставлена в полную независимость от всяких влияний, способных нарушить равновесие ее суждения с чисто идеальной точки зрения»²¹.

В этом смысле Л.А. Тихомиров особо подчеркивает, что именно «Нация, то есть народ, внутренне слившийся в нечто целое, с известными привычками, традиционным опытом, общим характером, с известным духом и мирозерцанием, то есть, стало быть,

²⁰ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 68.

²¹ Там же. С. 69.

с известными идеалами, — эта нация есть первоисточник власти. Она составляет ту силу, которая создает верховную власть того или иного типа, а также, при известных колебаниях своего духа, дает место замене одного принципа другим”²².

Национальная психология играет значительную, определяющую роль в выборе формы верховной власти. Именно в нем выражается дух нации, его идеалы и религиозные верования.

“Всякая верховная власть идеократична, то есть находится под властью своего идеала, безгранично сильна, пока совпадает с ним, и становится узурпацией (тиранией, олигархией, охлократией), когда сама выходит из подчинения ему. Пределы эти, определяющие нравственную законность и незаконность верховной власти, всегда прекрасно чувствуются нацией, то послушно подчиняющейся сознаваемой ею основной правде власти, то возмущающейся против узурпации”²³.

Л.А. Тихомиров явился тем мыслителем, при котором русская правая мысль предложила вполне стройную научную систему консервативного понимания русской государственности. Многие положения этой системы, которую можно назвать системой “этического монархизма”, разделяли и принимали современные ему правые академические юристы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Тихомиров Л.А. Дневник // ГАРФ, ф. 634, оп. 1, д. 7; д. 12.

Тихомиров Л.А. Единичная власть как принцип государственного правления. М., 1897.

Тихомиров Л.А. Знамение времени. Носитель идеала. М., 1895.

Тихомиров Л.А. Монархическое начало верховной власти // Московские ведомости. 1896. № 90, 97, 104, 112, 146.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. I.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992.

Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. М., 1895.

REFERENCES

Tihomirov L.A. Dnevnik [Diary] // GARF, f. 634, op. 1, d. 7; d. 12 (in Russian).

Tihomirov L.A. Edinolichnaya vlast' kak princip gosudarstvennogo pravleniya [Sole power as a principle of state government]. M., 1897 (in Russian).

Tihomirov L.A. Znamenie vremeni. Nositel' ideala [Sign of the times. The bearer of the ideal]. M., 1895 (in Russian).

²² *Тихомиров Л.А.* Монархическое начало власти // Московские ведомости. 1896. № 146.

²³ Там же.

Tihomirov L.A. Monarhicheskoe nachalo verhovnoj vlasti [The monarchical principle of supreme power] // *Moskovskie vedomosti*. 1896. N 90, 97, 104, 112, 146 (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. M., 1905. CH. I (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. SPb., 1992 (in Russian).

Tihomirov L.A. Pochemu ya perestal byt' revolyucionerom [Why I stopped being a revolutionary]. M., 1895 (in Russian).